

Патрушев Сергей

Я женился

Сергей Патрушев

Я женился

<https://litres.ru/74515069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём, обычный системный администратор, женится на Насте — первой красавице и наследнице огромного состояния. Вскоре он понимает, что его жена обладает редким даром «Эмпатической нестабильности»: её настроение меняется с магической скоростью, а гнев способен поджигать леса.

Попытки Артёма стать идеальным мужем проваливаются: чем больше он старается, тем сильнее она злится. Устав от золотой клетки, герой находит утешение в баре «Пьяный Грифон» среди простых друзей. Чтобы выжить рядом с богиней хаоса, ему придётся отказаться от логики и принять главное правило: любовь здесь — это война, где побеждает тот, кто умеет вовремя сбежать за пивом.

Содержание

Глава 1. Бракосочетание и первое «Ты мне не подходишь»	4
Глава 2. Утро добрым не бывает: «Ты деревенщина»	18
Глава 3. Магия смены настроения	36
Глава 4. Кризис первого месяца: «Ты меня не слушаешь!»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Патрушев

Я женился

Глава 1. Бракосочетание и первое «Ты мне не подходишь»

Солнце, уставшее от собственного августовского величия, медленно оседало за кромку Измайловского леса, окрашивая небо над усадьбой в цвета переваренного брусничного морса. Воздух был густым, тяжелым, пропитанным запахом скошенной травы, дорогого парфюма и сладкого тлена увядающих пионов. На идеально подстриженной лужайке перед трехэтажным домом из красного кирпича — тем самым «родовым гнездом», которое отец Насти построил на деньги от продажи московской недвижимости и удачных вложений в криптовалюту — собралось человек двести.

Артём стоял у резной деревянной арки, перевитой белыми розами, и чувствовал себя статистом в чужом высокобюджетном фильме. Его костюм-тройка от итальянского портного стоил как подержанная иномарка, но воротник рубашки казался сделанным из наждачной бумаги. Он переминался с ноги на ногу, пытаясь найти удобное положение для ступней в узких лакированных туфлях, которые жал так, словно

пытались отгрызть ему мизинцы. В кармане жилетки лежала коробочка с кольцами, тяжелая, как могильная плита, и напоминала о серьезности происходящего лучше любого священника.

Гости сидели на плетеных стульях, синхронно обмахиваясь программками свадьбы, напечатанными на плотной бумаге с золотым тиснением. Это была пестрая смесь: с одной стороны — родители Артёма, простые инженеры с завода, смотревшие на все это великолепие со смесью благоговения и животного ужаса; с другой — высший свет новой формации, люди с холеными лицами, пустыми глазами и зубами стоимостью в квартиру в Мытищах. Они обсуждали отдых на Мальдивах и курс доллара с одинаковым выражением лица.

— Дыши ровнее, — прошипел сбоку свидетель Лёха, лучший друг детства, работавший теперь менеджером по продажам металлопроката. От него пахло дешевым одеколоном и нервозностью. — Ты бледный, как простыня в муниципальной больнице. Улыбайся. Твоя задача сегодня — выглядеть счастливым и трезвым. Счастливым важнее.

Артём выдавил улыбку. Челюсть свело. Он смотрел на дорожку, усыпанную лепестками настоящих, а не пластиковых цветов, и ждал свою королеву.

Настя появилась ровно в ту секунду, когда виолончелист взял самую высокую, звенящую ноту. Она шла неспешно, давая гостям возможность насладиться зрелищем. Ее платье было произведением искусства из сотен слоев тончайшего

кружева и шелка, весившим килограммов пятнадцать. Оно шуршало при каждом шаге, создавая звуковой фон, похожий на шум морского прибоя. Лицо скрывала фата, но Артём знал, что там, под слоями тюля, прячется идеальная симметрия: высокие скулы, прямой нос, губы бантиком, созданные, кажется, не природой, а нейросетью последнего поколения.

Она была ослепительна. Рядом с ней Артём всегда ощущал себя неудачным черновиком. Сын заводчан, парень из панельной девятиэтажки в Бирюлёво, который попал в ее орбиту благодаря случайному знакомству на дне общего друга. Он работал системным администратором в логистической компании. Чинил принтеры, настраивал сервера и ел заварную лапшу. Она управляла людьми одним движением бровей и летала бизнес-классом.

Когда она подошла к алтарю и отец передал ее руку Артёму, ледяные пальцы Насти сомкнулись на его ладони. Не сжались в поддержке, нет. Захватили, словно капкан.

Церемония прошла как в тумане. Батюшка, приглашенный специально ради антуража (настоящий, из старинного храма где-то под Владимиром), говорил что-то о терпении, смирении и двух половинах одного целого. Гости плакали умильными слезами, снимая происходящее на айфоны последней модели. Артём механически повторял «Да» и «Обещаю». Он смотрел на профиль невесты, на то, как солнце играет в ее серьгах с бриллиантами чистой воды, и думал толь-

ко об одном: лишь бы не упасть в обморок от духоты и тугого ремня.

Потом были поздравления, звон хрустала, бесконечные выкрики «Горько!», во время которых Настя целовала его быстро, сухо, едва касаясь губами, поворачиваясь к камерам своим самым выгодным ракурсом. Был торт высотой в человеческий рост, внутри которого обнаружились слои манго, маракуйи и прослойка из шампанского «Кристалл». Были танцы. Отец Артёма пытался исполнить неуклюжее диско, мама тихо плакала от счастья в углу, а Настины подружки, такие же безупречные и холодные, как фарфоровые куклы, смотрели на жениха с легким недоумением, словно спрашивая: «Как этот лузер прошел фейсконтроль?»

В какой-то момент, около полуночи, когда диджей поставил медленную композицию, Настя сама взяла его за руку и потянула прочь от толпы. — Нам пора, — сказала она голосом, лишенным всяких эмоций. — Программа выполнена. Гости накормлены. Можно уезжать.

Их ждала карета. Настоящая белая карета, запряженная парой белых лошадей, арендованная за сумму, которой хватило бы Артёму на первый взнос по ипотеке. Кучер в цилиндре хлестнул коней, и они покатали по гравийной дороге к гостевому домику на берегу пруда — их «любовному гнездышку» на первую брачную ночь.

Карета оказалась ужасно тесной. пышное платье Насти занимало три четверти пространства, пышная юбка легла

Артёму на колени тяжелой, неподвижной массой. Он сидел напротив нее, боясь пошевелиться. Запах ее духов — дорогой, сложный, с нотами жасмина и чего-то металлического — заполнял собой весь крошечный объем.

Дорога заняла минут семь. За это время никто не проронил ни слова. Артём открыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь банальность вроде «ты прекрасна» или «я самый счастливый человек на свете», но посмотрел в ее глаза и промолчал. Взгляд Насти был устремлен куда-то сквозь него, в темноту за окном, и в нем читалась такая вселенская скука, что любые слова застряли в горле.

Карета остановилась. Выскочивший лакей — настоящий, в ливрее, тоже оплаченный тестем — распахнул дверцу. Настя вышла первой, даже не подав мужу руки. Артём выбрался следом, чувствуя, как затекли ноги.

Домик встретил их идеальной чистотой. Лепестки роз на кровати, охлажденное шампанское в серебряном ведерке, свечи. Все выглядело настолько постановочно, что казалось декорацией.

Настя скинула на пол атласные туфли-лодочки. Раздался мягкий стук. Она сделала несколько шагов по дубовому паркету, оставляя на нем грязные следы — трава и пыль с дорожки въелись в замшевую подкладку обуви. Остановилась посреди комнаты, спиной к нему.

— Помоги, — бросила она через плечо.

Артём бросился к ней. Его пальцы, привыкшие нажимать

на клавиши клавиатуры, неумело коснулись десятков микроскопических перламутровых пуговиц, идущих вдоль позвоночника. Пуговицы были пришиты намертво, почти вплетены в ткань. Он возился минут пять, вспотев от напряжения и страха сделать ей больно. Когда последняя пуговица поддалась, платье соскользнуло с ее плеч с тихим шелестом.

Оно упало к ее ногам бесформенной белой горой. Настя перешагнула через него, оставшись в одних невесомых стрингах и бюстгальтере, стоимость каждого элемента которого превышала месячную зарплату Артёма. Она молча проследовала в ванную. Хлопнула дверь. Полилась вода.

Артём остался стоять посреди спальни, сжимая в руках собственный галстук. Сердце колотилось где-то в районе кадыка. Сейчас. Вот сейчас начнется та самая магия, ради которой он продал старую отцовскую «Ладу», чтобы купить кольцо с бриллиантом в четыре карата. Сейчас страхи уйдут, и останутся только двое.

Дверь ванной открылась. Настя вышла, обмотанная белоснежным гостиничным халатом. Волосы, уложенные стилистом за десять тысяч рублей, влажно темнели на плечах. Она села в глубокое кожаное кресло у окна, закинула ногу на ногу и посмотрела на мужа.

Артём начал расстегивать рубашку. Руки дрожали. — Подожди, — сказала Настя. Голос ее изменился. Исчезла церемонная вежливость свадебного регистратора, появилось что-то брезгливое, хозяйское. Как у завхоза, нашедшего просро-

ченный товар на складе.

Артём замер с наполовину расстегнутой ширинкой. — Что? Я... я что-то не так делаю?

Она вздохнула. Тяжело, театрально, как вздыхают королевы, вынужденные объяснять очевидные вещи плебеям. — Всё не так, Артём. Вообще всё.

Он почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Комната вдруг стала очень большой и пустой, а он сам — маленьким и голым, несмотря на то что еще был полностью одет. — Начнем с малого, — продолжила она, глядя на него поверх края бокала с шампанским, который внезапно материализовался в ее руке. — Ты ешь.

— Ем? — переспросил он, решив, что ослышался. — Сейчас? — В принципе. Весь сегодняшний ужин. И вчерашний фуршет. И обед с моими родителями месяц назад. Ты держишь вилку, как колхозник, дорвавшийся до шведского стола. Ты режешь мясо, а потом перекладываешь нож в левую руку. Это невыносимо. Мне стыдно сидеть с тобой за одним столом. А ведь завтра мы летим на Санторини. Там будут приемы. Мои партнеры. Журналисты. Ты понимаешь, что ты меня опозоришь?

Артём сглотнул. Вилка. Мясо. Ему тридцать один год, он управляет серверной инфраструктурой, которая держит поставки медикаментов по всей стране, и вот уже пять минут как муж самой красивой женщины, которую видел в жизни, стоит посреди номера с мокрыми подмышками, выслушивая

лекцию о правилах этикета. — Насть, ну какая разница... Мы же одни. Я просто хотел есть. Я перенервничал.

— Дело не в том, что ты перенервничал, — она отпила шампанское, глядя на него с исследовательским интересом, как энтомолог на редкую, но неприятную букашку. — Дело в моторике. В базовом воспитании. Если человек не умеет держать приборы, значит, он не умеет контролировать свое тело. А если он не контролирует тело, он не контролирует жизнь. Ты хаотичен, Артём. Ты громкий.

— Громкий? — тупо повторил он. — Да. Ты дышишь.

Мир качнулся. Артём машинально сделал вдох, чтобы возразить, и тут же понял, что совершил ошибку. — Вот опять, — поморщилась Настя. — Этот твой... сап. Заглатываешь воздух, будто неделю провел в безвоздушном пространстве. Ты вообще слышишь себя со стороны? Это звучит как работа неисправного кузнечного меха. Особенно когда ты волнуешься. А ты волнуешься постоянно. От тебя исходит тревожность, как запах дешевого дезодоранта. Невозможно находиться рядом.

Артём опустил руки. Рубашка выбилась из брюк. Он больше не хотел ее снимать. Идеальное романтическое пространство начало стремительно схлопываться, превращаясь в допросную. Свечи на столе отбрасывали на лицо жены злоеющие тени, делая ее красоту хищной. — Но я люблю тебя, — сказал он единственное, что пришло в голову. Голос прозвучал сипло и жалко. — Я женился на тебе. Я отдал тебе всего

себя.

Настя закатила глаза. Красиво, профессионально, одними глазными яблоками, не сморщив лоб. — Ох, Артем. Эта твоя провинциальная драма. «Отдал всего себя». Кому нужен твой «весь ты»? Мне нужна функциональность. Мне нужна достойная рамка. Я — произведение искусства, милый. Может быть, не уровня Лувра, но точно хорошая частная коллекция. А ты пытаешься вставить Мона Лизу в пластиковую раму из магазина «Всё по пятьдесят». Скрипи-и-ит, — протянула она последнее слово, имитируя звук несмазанных петель.

Она встала. Халат распахнулся при движении, обнажив длинную, идеальную ногу. Любой другой мужчина на месте Артёма потерял бы рассудок. Артём почувствовал приступ тошноты. — Посмотри на свои ногти, — она вытянула вперед руку, демонстрируя свой идеальный маникюр, и указательным пальчиком другой руки ткнула в сторону рук мужа. — Обгрызенные валенки. Заусенцы. Кутикула. Ты хоть раз в жизни делал мужской педикюр? Нет, конечно. Ты ходишь в подвальную парикмахерскую, где тебя стрижет тетя Зина машинкой «Спутник». У тебя обувь не чищена. Носовой платок в кармане сложен комком, как использованная салфетка.

Она подошла ближе. Теперь она возвышалась над ним, сидящим на краю огромной кровати. Рост без каблуков у нее был выше, чем у него, а сейчас она казалась настоящей валькирией. — Знаешь, почему папа согласился на этот брак?

— спросила она вдруг совсем другим, почти доверительным тоном. — Потому что ты безопасный. Ты удобный. Ты будешь смотреть на меня снизу вверх всю жизнь и благодарить за каждый кусок этого пирога. Ты не пьешь, не гуляешь, у тебя нет стержня, чтобы уйти. Идеальный муж для девушки моего калибра. Тихий, исполнительный админ. Сервер, который должен бесперебойно работать в фоновом режиме.

— Я не сервер, — выдавил Артём. Внутри него что-то оборвалось. Тонкая нить самоуважения, на которой он висел последние два года отношений, лопнула с сухим треском. — Я человек. Я сегодня надел этот чертов костюм, который душит меня, пригласил всех твоих снобов, улыбаюсь им, хотя хочу блевать от их разговоров про яхты...

— Ой, началось, — перебила она, снова морщась. — Социальная справедливость. Тяжелая доля рабочего класса. Артём, очнись. Рабочий класс остался в твоей панельке в Бирюлёво. Здесь — капитализм. Эстетика первична. Форма определяет содержание. Твое содержание может быть сколь угодно богатым внутренним миром, но пока твоя форма выглядит как мешок с картошкой, для общества ты — мешок с картошкой.

Она обошла кровать и открыла мини-бар. Достала маленькую бутылочку водки. Артём никогда не видел, чтобы она пила водку. — Тебе налить? — спросила она буднично, свинчивая крышку. — Судя по цвету твоего лица, тебе нужно. Только учти, если ты сейчас начнешь пить из горла

или закусывать лимоном прямо с кожурой, я вызову охрану и аннулирую брачный контракт по статье «психологическое несоответствие».

Артём молчал. Он смотрел на эту женщину, на венец творения, на мечту миллионов мужчин, и понимал страшную вещь: он ее ненавидит. Впервые за два года слепого обожания липкий, животный страх сменился холодной, звенящей ненавистью.

— Раздевайся, — приказала она, наливая водку в стакан. — Медленно. Я хочу посмотреть, как ты это делаешь.

Это должно было звучать возбуждающе. Эротично. Начало супружеской жизни. Но в устах Насти это звучало как команда инструктора собаке: «Апорт». Или команды тюремщика: «К стене. Обыскать».

Артём поднялся. Пальцы не слушались. Верхняя пуговица на брюках никак не пролезала в петлю. Он дернул сильнее. Пуговица оторвалась и улетела под кровать с тихим пластиковым стуком.

Настя замерла со стаканом в руке. Она смотрела на оторванную пуговицу, и уголок ее идеальных губ дрогнул. — Ну вот, — произнесла она шепотом, полным искреннего, неподдельного страдания. — Первый день брака. А ты уже испортил брюки от Brunello Cucinelli.

Она залпом выпила водку, даже не поморщившись. Поставила пустой стакан на столик. Звякнуло стекло. — Спать будем раздельно, — констатировала она, направляясь к две-

ри в смежную комнату. — Диван вполне функционален. Завтра в шесть утра придет мой косметолог, делать нам совместные уходовые процедуры перед перелетом. Постарайся к этому времени перестать выглядеть так, будто тебя ведут на расстрел. Это плохо отражается на моей коже. Стресс вызывает высыпания, а моя кожа — это актив.

Она скрылась за дверью, оставив ее приоткрытой. Через секунду оттуда раздался щелчок замка.

Артём остался один в огромной спальне, освещенной догорающими свечами. Пахло остывшим шампанским, дорогими духами и его собственным позором. Он подошел к кровати. Сел. Дорогущее покрывало царапало кожу.

Он посмотрел на свои руки. Обычные мужские руки с широкими ладонями и короткими пальцами. Руки, которые могли собрать компьютер с закрытыми глазами, переустановить любую операционную систему и починить протекающий кран. Сегодня эти руки оказались абсолютно бесполезны.

«Это усталость, — попытался успокоить он себя той фразой, с которой начиналась глава. — Она перенервничала. Организация такой свадьбы — колоссальный стресс. Она любит меня. Где-то глубоко внутри. Просто не умеет показывать».

Но голос внутри, тот самый новый, скрипучий голос, который родился только что, вместе с оторванной пуговицей, шептал другое: «Добро пожаловать в рабство, системный ад-

министратор. Добро пожаловать в клетку с видом на райский сад. Первое правило этой тюрьмы: ты виноват всегда. Даже когда просто дышишь».

Артём встал, подошел к окну. За толстым стеклом, в абсолютной темноте летней ночи, квакали лягушки на пруду. Идиллический русский пейзаж. Он прижался лбом к прохладному стеклу.

Завтра будет Санторини. Белые дома, синее море, фотосессии в развевающихся платьях для ее Инстаграма, где под фото обязательно будет подпись: «Моя счастливая семья».

Он представил, как завтра утром будет чистить зубы рядом с ней. Как она брезгливо подожмет губы, заметив, как капли пасты попали на край раковины. Как сделает замечание за то, что он слишком сильно давит на щетку.

Цикл. Лёха-шурин назвал бы это токсичным паттерном, если бы умел выговаривать такие слова. Артём называл это проще: попадалово.

Он вернулся к кровати, поднял с пола оторванную пуговицу. Покрутил ее в пальцах. Маленький кусочек пластика. Символ разрушенного фасада.

— Ничего, — сказал он вслух в пустую комнату. Голос сорвался, предательски дрогнув на последнем слог. — Привыкнем. Люди и не к такому привыкают. Стерпится — слюбится. Главное — дышать тише.

Он лег на самый краешек огромной кровати, стараясь занимать как можно меньше места, подтянул колени к гру-

ди, свернувшись в неудобный, напряженный клубок, и провалился в тяжелый, глухой сон без сновидений, прерываемый только собственным, слишком громким, по мнению его новой жены, дыханием. До первого луча солнца оставалось меньше пяти часов. День первый официально считался открытым.

Глава 2. Утро добрым не бывает: «Ты деревенщина»

Солнце ударило по глазам без предупреждения, как хулиган с кастетом из Артёмова детства в Бирюлёво. Плотные шторы гостевого домика оказались обманкой — они создавали иллюзию уюта вечером, но утром пропускали жесткий, хирургический свет сквозь щели между тяжелыми складками бархата. Артём проснулся от того, что луч света попал точно на сетчатку, и первой его мыслью было не воспоминание о свадьбе, а банальная физиология: во рту стоял вкус медной монеты и вчерашнего дешевого страха.

Он лежал поперек необъятного супружеского ложа, скрючившись в позе эмбриона на самом краю. Спина затекла, шея ныла. Он попытался потянуться, хрустнуть суставами, сбросить остатки кошмара, который он, к счастью, не запомнил, но тело отказалось разгибаться. Мышцы помнили приказ быть незаметным.

На часах прикроватной тумбы, инкрустированной перламутром, было шесть утра ноль две минуты.

В смежной ванной комнате уже шумела вода. Настя встала ровно в пять сорок пять — об этом вчера сообщил распорядитель вечера, передавая им ключи со словами расплющенного заискивания на лице. У нее был график. График красо-

ты, эффективности и доминирования над пространством.

Артём сел, спустив ноги на ледяной паркет. Голова была тяжелой, словно ее набили мокрой ватой. Он оглядел комнату. Осколки их брачной ночи валялись повсюду: растоптанные лепестки роз, пустая бутылка из-под шампанского, стоящая почему-то на полу возле кресла, а не в ведерке, и та самая злосчастная пуговица от брюк Brunello Cucinelli, которую он машинально сунул в карман перед сном. Теперь она казалась уликой с места преступления.

Из-за двери ванной доносился гул фена. Ровный, монотонный звук работающего механизма. Ни напевания, ни на свистывания. Только работа прибора. Артём встал, пошарил босыми ногами по полу в поисках своих трусов, брошенных где-то посреди комнаты, и натянул джинсы прямо на голое тело. Рубашку искать не стал — воротник накануне показался ему гарротой.

Ему отчаянно хотелось есть. Не икры и не авокадо-то-стов, которые подавали вчера, а нормальной человеческой еды. Яичницы из трех яиц с жареным луком. Куска докторской колбасы, положенной на черный хлеб. Чего-то жирного, горячего, простого. Организм, переживший стресс выживания, требовал топлива.

Дверь ванной открылась. Настя вышла в облаке пара, пахнущего озоном и дорогим увлажняющим кремом. На ней был шелковый халат цвета слоновой кости, перехваченный поясом так туго, что казалось, еще немного — и ткань лоп-

нет. Волосы были высушены идеально, волосок к волоску, уложены назад, открывая высокий лоб. Макияжа не было, но лицо выглядело нарисованным — такая безупречная бывает только фарфоровая посуда или манекены в витринах ЦУМа.

Она остановилась посреди комнаты, посмотрела на часы, потом на Артёма. Ее взгляд прошелся по нему сверху вниз, задержался на расстегнутой ширинке (он забыл ее застегнуть спросонья) и вернулся к лицу. — Шесть ноль три, — констатировала она вместо приветствия. — Ты спал два часа. Это неэффективно. Синяки под глазами тебе не идут. И эта щетина... Она делает тебя похожим на разнорабочего с ближайшей стройки.

— Доброе утро, Насть, — выдавил Артём, пытаясь улыбнуться. Губы пересохли и треснули. — Может, закажем завтрак? В номер? Я зверски голоден.

Настя подошла к встроенному шкафу. Открыла одну из створок. Внутри висели ряды одежды, упакованные в прозрачные чехлы, похожие на музейные саркофаги. Она сняла чехол с белоснежной льняной рубашки. — Завтрак сервируют внизу, в малой столовой, через двадцать минут, — сказала она, снимая халат. Под халатом обнаружилось кружевное белье телесного цвета, которое ничего не скрывало, лишь подчеркивало анатомию. — Твой отец и моя мать уже там. Они ждут нас для семейного фото. Традиция. Тебе нужно принять душ. От тебя несет потом и паникой.

— Я быстро, — кивнул Артём, пятясь к ванной. — Яиц

хотя бы дадут?

Настя замерла с рубашкой в руках. Медленно повернула голову. — Что ты сказал?

— Ну... еду. С утра. Чтобы... — Артём, — перебила она. Голос стал тихим, почти ласковым, и от этого леденящего спокойствия у него свело кишки. — Мы находимся в усадьбе моего отца. Это закрытый клуб. Здесь нет столовки. Здесь есть консьерж-служба. Если ты хочешь «дать яец», ты должен попросить омлет паризьен с трюфелями. Или пашот на бриюши. Но сейчас мы идем пить кофе с круассанами. Это называется *petit déjeuner*. Запиши себе куда-нибудь, если память рыбки Гуппи.

Она начала одеваться. Движения были резкими, точными. Никакой женственной томности. Механика. — А мои родители? — спросил Артём, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Они же рабочие люди. Инженеры. Мой батя любит бутерброды с салом.

Фен замолчал. Настя медленно подняла на него глаза, в которых плескалось чистое, дистиллированное изумление. — Ты притащил своего отца сюда? Сюда? — она обвела рукой пространство спальни стоимостью в бюджет небольшого африканского государства. — Вчера? На мою свадьбу? После банкета?

— Ну да... Мама хотела проводить... Они сняли домик в деревне, тут километров десять отсюда, у какой-то бабки Зины...

И тогда это началось.

Сначала дрогнул уголок ее губ. Потом мелко задрожали плечи. А затем Настя расхохоталась. Громко, заливисто, запрокинув голову. Звук был настолько неуместным в стерильной тишине элитного поместья, что Артём инстинктивно пригнулся, ожидая, что сейчас сработает сигнализация.

— Домик у бабки Зины! — простонала она, вытирая выступившие от смеха слезы. — Батя! Бутерброды с салом! Артём, ты невероятен. Ты просто ходячий анекдот про парня из провинции. Ты привел свою родню в мой мир, как туземец приносит вождю племени дохлую курицу в обмен на стеклянные бусы. Боже, я думала, дно было вчера, когда ты пытался орудовать устричным ножом. Оказывается, снизу постучали.

Смех оборвался так же внезапно, как начался. Лицо Насти стало серьезным, даже скорбным. — Послушай меня внимательно, муж, — она шагнула к нему вплотную. От нее пахло деньгами и холодом. — Твоя семья осталась в прошлом. Вчера ты женился на мне. Ты перешел черту. Есть мы, — она ткнула пальцем себя в грудь, — и есть биологический мусор. Твои родственники — это досадный генетический сбой, который придется терпеть ради приличий, пока мы не оформим им пожизненные абонементы в санаторий закрытого типа где-нибудь в Карелии, чтобы они не отсвечивали. Но приводить их в дом, где полы моют средствами дороже твоей месячной зарплаты... Это дно, Артём. Деревенское, вонючее,

неотесанное дно.

Каждое слово вбивалось в череп гвоздем. Артём почувствовал, как уши загорелись огнем. Старая, давно забытая школьная боль — стыд за стоптанные ботинки и куртку с рынка — вернулась, многократно усиленная акустикой этой золотой клетки. — Они хорошие люди, — прошептал он. — Они честные. Они любят меня.

— Любовь — это дешевая валюта бедных, — отрезала она, беря в руки массажную щетку для волос. — Аристократия строится на целесообразности. Твоя мать плачет публично. Это моветон. Твой отец громко шутит и хлопает людей по плечу. Это нарушение личных границ. Ты произносишь слова неправильно.

— Как это? — опешил Артём.

— Феномён, — четко произнесла она, делая ударение на последний слог. — Ты говоришь фенóмен. Это выдает в тебе человека, который читал книги только в кратком содержании. Далее. Афёра. Ты ставишь ударение на первый слог. Это уровень кассира в «Пятерочке». Экипирóвка. Мусоропрóвóд. Господи, список бесконечен. Мне больно слушать твою речь. Каждый раз, когда ты открываешь рот, мне кажется, что кто-то царапает стекло вилокóй.

Артём открыл рот, чтобы возразить, сказать, что язык живет и меняется, что Розенталь мертв, что главное — смысл, но вовремя заметил опасный блеск в ее глазах и захлопнул челюсти. Зубы клацнули слишком громко. — Вот, — удо-

влетворенно кивнула Настя. — Даже зубы у тебя смыкаются с лязгом. Как капкан. Никакой грации. Пластика медведя.

Она принялась расчесывать свои идеальные волосы. Сто раз. Ритуал. Сто один. Движение кисти было гипнотическим. — И давай сразу договоримся о храпе, — продолжила она, глядя на свое отражение в зеркале шкафа. — Ты храпел всю ночь. Басом. С присвистом. Окна дрожали. Я не сомкнула глаз.

— Я не храплю, — растерянно пробормотал Артём. Он знал это наверняка. В армии его дразнили «тихушником» именно потому, что ночью от него не было слышно ни звука, кроме редкого сопения. — Насть, я физически не умею храпеть. У меня перегородка ровная, ЛОР говорил...

— Мне плевать, что говорил твой районный ЛОР, — она бросила расческу на кровать. — Я говорю тебе факт: ты храпел. Это мешало моему сну. Если ты будешь отрицать очевидное, наш брак закончится быстрее, чем остынет мой латте. Понял? Храпел. Сегодня же обратиться к сомнологу. Или купи клипсу в нос. Выглядишь с ней идиотом, но хоть звуки прекратятся.

Это было абсурдно. Логика ломалась, крошилась, как сухое печенье. Он хотел указать на противоречие: сначала она выгнала его спать на диван, потому что он портил ей эстетику вида, а теперь жалуется, что не слышала его храпа, которого не было. Но любая попытка выстроить причинно-следственную связь разбивалась о стену ее уверенности. Для На-

сти объективная реальность была тем, что она озвучивала вслух.

— Собирайся, — смягчилась она, видимо, посчитав воспитательную беседу оконченной. — Через десять минут спускаемся. Брюки погладь. Нет, лучше надень другие, те, серые. К ним идет синий галстук. Узел сделай полувиндзор. Полный виндзор съест шею, а у тебя и так кадык торчит, как топор из бревна. И ради бога, когда будешь намазывать масло на круассан, делай это от себя, а не к себе. И локти. Прижми локти к телу. Ты занимаешь слишком много пространства.

Она вышла из спальни, оставив после себя запах фиалок и разрушенную психику мужа.

Артём остался стоять посреди комнаты. Его трясло. Мелкой, противной дрожью. Он подошел к окну, выходящему на задний двор усадьбы. Там, вдали от парадных клумб и фонтанов, начинался настоящий лес. Старый, густой, дикий. Между домом и лесополосой располагалась хозяйственная зона: площадка для барбекю, корт (заросший, им явно никто не пользовался) и аккуратная поленница березовых дров под навесом. Рядом стояла деревянная колода, в центре которой торчал массивный колун.

Взгляд Артёма прилип к этому инструменту. Стальной клин на длинном деревянном черенке. Простой, тяжелый, абсолютно понятный.

Внутри него поднималось нечто новое. Оно зародилось

вчера, с оторванной пуговицей, окрепло сегодня утром на словах «биологический мусор» и «дешевая валюта». Это не была злость. Злость — эмоция бурная, громкая, требующая выхода в крике. То, что чувствовал Артём, было холодным, тяжелым, как ртуть, металлом. Это была кристаллизованная ненависть. Осознание того, что человек, которому он доверил свое тело, свой быт и свое будущее, видит в нем не партнера, не мужчину, а дефектный проект, подлежащий либо утилизации, либо мучительной переделке.

«Яичницы хочу», — тупо подумал мозг, цепляясь за привычное. Желудок предательски заурчал, подтверждая базовую потребность организма.

— Сейчас будет тебе яичница, — тихо, одними губами проговорил Артём своему отражению в стекле.

Он резко развернулся. Прошагал к стулу, на котором висел его вчерашний, чуть помятый костюм. Схватил его, скомкал в бесформенную кучу плотной шерсти и швырнул в угол. Затем подошел к комоду, выдвину ящик и вытащил простую черную футболку-поло, в которой приехал вчера. Никаких брендов. Обычный масс-маркет.

Натянул ее поверх мятых джинсов. Сунул босые ноги в тяжелые туристические ботинки, которые стояли у порога — он привез их для прогулок по лесу, планируя сбегать от гостей, если станет совсем тошно.

— Артём! — голос Насти долетел снизу, с лестницы. — Мы ждем! Папа хочет сделать кадр для корпоративного ка-

лендаря!

Не отвечая, Артём вышел из спальни. Прошел мимо гостиной, где уже гудел кофейный аппарат и звенел тонкий фарфор. Он толкнул тяжелую входную дверь и вышел на крыльцо.

Утренний воздух ударил в лицо запахом хвои, влажной земли и свободы. Солнце еще не успело высушить росу, трава серебрилась. Где-то далеко, нарушая пасторальную тишину богатого поместья, истошно замычала корова. Настоящая жизнь шла своим чередом всего в паре километров отсюда, и этот звук был лучшей симфонией, которую Артём слышал за последние сутки.

Он пересек газон, игнорируя мощеные дорожки. Трава приятно холодила ступни через носки ботинок. Обогнул фонтан в виде писающего мальчика (еще одна прихоть тестя, любившего "классику") и направился к поленнице.

Колун стоял, прислоненный к навесу. Артём взял его в руки. Древко легло в ладони идеально. Вес оружия успокаивал. Он выбрал самое толстое, узловатое березовое полено, бросил его на колоду.

Замах. Свист воздуха. Удар. Полено раскололось с сухим, удовлетворительным треском, разлетевшись на две аккуратные половины.

Еще одно. Замах. Удар. Щепки брызнули в стороны.

— Артем Сергеевич! — раздался сзади испуганный окрик.

Это был охранник Витя, дежуривший у главных ворот. Рослый парень в черной форме, вооруженный рацией. Он бежал к нему через лужайку, придерживая кобуру. — Артем Сергеевич, вам нельзя! Тут частная территория, использование инвентаря персоналом строго регламентировано! Положите топор, пожалуйста!

Артём проигнорировал его. Он занес колун над головой. Мышцы спины отзывались приятной болью. Это было физическое усилие. Честное. За этим движением стояла физика, гравитация и сопротивление дерева, а не скрытые мотивы, недосказанности и психологическое насилие.

— Я сказал, положи! — крикнул Витя, переходя на бег. — Хозяин велел пресекать инциденты!

Третье полено оказалось особенно крепким, сучковатым. Клин вошел в древесину намертво, завязнув на середине. Артём навалился всем весом на рукоять, используя плечо. Дерево сопротивлялось секунду, другую, а потом сдалось с оглушительным хлопком.

Витя остановился в пяти метрах, тяжело дыша. Вид системного администратора, в свадебной обуви и офисной футболке яростно рубящего дрова в семь утра на территории элитной усадьбы, очевидно, сломал его картину мира. — Успокойтесь, — просипел охранник. — Хотите, я сам наколю? Вам нельзя, у вас контракт страхования жизни...

Артём воткнул лезвие колуна в колоду. Вытер рукавом выступивший на лбу пот. Посмотрел на грудку наколотых

дров. Горка получилась небольшая, но увесистая. Адреналин начал вымывать из крови липкий страх.

— Скажи своей хозяйке, — Артём говорил спокойно, глубоко дыша, восстанавливая кислородный баланс. Легкие горели, но это была приятная боль работающих органов. — Скажи Анастасии Валерьевне, что ее муж пошел проветриться. У него аллергия на фальшивый мрамор и высокие обороты центрифуги в вашей стиральной машине. Буду к обеду. Может быть.

Он развернулся и, не обращая внимания на ошарашенного Витю, зашагал прочь от дома. Не к главным воротам, где его могли перехватить, а вглубь участка, туда, где кончался английский парк французского образца и начинался настоящий, запущенный смешанный лес.

Трава становилась выше, цеплялась за штанины. Ветви орешника хлестали по лицу. Артём шел вперед, ориентируясь только на солнце. Он уходил из декораций чужой пьесы.

Лес принял его. Закрыв от взглядов камер наблюдения, спрятал от запаха французских духов. Здесь пахло грибами, прелой листвой и свободой.

Через полчаса быстрой ходьбы кроссовки промокли от росы, а майка прилипла к спине. Дорогих машин и заборов больше не было видно. Впереди, сквозь стволы сосен, блеснула узкая лента реки. Старицы, петляющей по Подмосквовью. Берега были заросшими камышом, вода — темной, торфяной.

Артём спустился к воде. Сел прямо на влажный песок, подтянув колени к груди. Положил подбородок на руки. Сердце наконец начало замедлять ритм.

Он сидел так долго. Смотрел, как паук-сенокосец плетет паутину между стеблями осоки. Слушал, как какая-то мелкая птица возмущенно чирикает на соседней ветке. Никто не делал ему замечаний за то, как он сидит. Никто не критиковал изгиб его позвоночника. Вода просто текла. Паук просто жил.

Желудок снова напомнил о себе громким, протяжным звуком, похожим на брачную песнь кита.

Артём усмехнулся. Впервые за эти безумные тридцать часов он позволил себе настоящую, широкую улыбку. Она была похожа на трещину в бетонной стене.

«Яичница отменяется, — подумал он. — Придется переходить на подножный корм».

Он поднялся, отряхнул песок. Огляделся. Лес вокруг был щедрым. Заросли дикой малины вдоль опушки, кусты смородины у болотца. Но нужна была база. Углеводы. Энергия.

Его взгляд упал на старый дуб, раскинувший ветви метров на десять в диаметре. У корней темнели прошлогодние листья. Артём подошел ближе, опустился на корточки и начал разгребать палую листву руками. Земля под пальцами была мягкой, жирной.

Есть. Под листьями, плотно прижавшись друг к другу, прятались грибы. Толстые, крепкие, с маслянистыми коричне-

невыми шляпками. Маслята. Целая семейка. Десяток, не меньше. Идеально чистые, выросшие в экологически чистом районе старой усадьбы, подальше от выхлопных газов.

Артём достал из кармана джинсов смартфон. Разблокировал экран. Связи, конечно, не было — глухой частный сектор. Но камера работала. Он сделал несколько фотографий грибов — макро, игра света на влажной шляпке. Получилось красиво. Почти как в кулинарном блоге, который он иногда листал по ночам, мечтая о нормальной еде.

Затем он аккуратно срезал грибы подобранной сухой веточкой. Сложил добычу в другой карман. Нашел рядом куст лесной земляники. Ягоды были мелкими, невероятно сладкими и пахли детством, дачей бабушки в Тверской области и каникулами. Тем временем, которое Настя назвала бы «эпохой тотального безвкусия».

Он отправил в рот горсть ягод. Сок брызнул на язык. Сахар ударил в кровь.

Это был самый вкусный завтрак в его жизни. Лучше любого омлета паризьен. Потому что это был *его* завтрак. Найденный, добытый, заработанный собственным унижением и последующим побегом.

Артём посмотрел на небо. День обещал быть жарким. Нужно было найти воду. И место повыше, чтобы осмотреться. Понять, куда его занесло.

Он вспомнил карту местности, виденную вчера в холле усадьбы. Если идти вдоль русла реки на север, можно выйти

к старому СНТ, а оттуда уже добраться до цивилизации. До той самой деревни, где остановились его родители. До бабки Зины. До бутербродов с салом.

Эта перспектива вдруг показалась ему невероятно привлекательной. Поесть хлеба с чесноком и розовым, крупнокусковым салом. Выпить водки из морозилки. Услышать, как отец смеется своим рокочущим басом, от которого действительно могут дрожать стекла.

Настя называла это «дно». Артём впервые в жизни подумал, что это дно может оказаться гораздо тверже и надежнее, чем золотой потолок тюрьмы, из которой он только что сбежал.

Он поправил рюкзак, которого у него не было, просто привычным жестом расправил плечи, и уверенно зашагал вдоль берега реки, навстречу солнцу и нормальным людям. Позади оставалась усадьба, идеальный фасад которой трещал по швам под тяжестью собственного лицемерия. Впереди была неизвестность, пахнувшая дымом, землей и свободой.

Тем временем в малой столовой усадьбы разворачивалась другая драма. Семейная фотография для корпоративного календаря тестя сорвалась. Охранник Витя докладывал обстановку главе службы безопасности, отставному полковнику ФСО Игнату Матвеевичу, человеку, чьи морщины на лбу хранили отпечатки прикладов.

— Невеста в ярости, Игнат Матвеевич, — докладывал Ви-

тя, протягивая начальнику распечатку логов с камер видеонаблюдения. — Говорит, что он устроил публичный дебош. Порубил годовую норму дров для каминного зала за десять минут. Сказал, что у него аллергия на фальшь.

Игнат Матвеевич надел очки в тонкой золотой оправе. Увеличенное изображение на экране ноутбука заставило его брови поползти вверх. Парень в черной футболке работал колуном с такой первобытной, чистой яростью, что полковник невольно восхитился экономичностью движений. Ни одного лишнего маха. Биомеханика хищника. — Аллергия на фальшь, значит, — задумчиво повторил Игнат, барабанив пальцами по столу. — Смело. Для программиста.

В столовую вошла Настя. Безупречная, одетая уже для фотосессии в летящий шелк Dior. Но ее лицо было белым, как алебастр. — Он ушел в лес, — выплонула она. — Этот колхозник просто развернулся и ушел. Оставил меня одну в день нашей свадьбы. Опозорил перед отцом. Перед прессой. Он труп, Игнат. Я аннулирую всё. Контракт, визы, билеты на Санторини. Пусть катится обратно в свою панельку.

Игнат Матвеевич снял очки. Протер их краем пиджака. — Анастасия Валерьевна, — его голос был мягким, отеческим, но в нем звенела сталь. — Ваш супруг совершил глупость. Возможно, даже хамство. Но давайте посмотрим на ситуацию стратегически. Вы вышли замуж за ресурс. Ресурс оказался строптивым. Если вы сейчас задействуете юристов и охрану, чтобы вернуть его силой, вы подтвердите статус-кво:

вы — охотник, он — добыча. А мужчины вашего... калибра, Артём Сергеевич, плохо переносят роль трофейного животного. Они либодохнут в вольере, либо отгрызают лапу и уходят в тайгу. Судя по тому, как он махал топором, ваш муж выбрал тайгу.

— Мне плевать! — взвизгнула Настя, и в этом визге прорезались истеричные нотки обычной девчонки, потерявшей контроль. Маска холодной королевы дала трещину. — Верните его! Я хочу, чтобы он ползал у моих ног! Хочу видеть, как он извиняется!

— Хотеть не вредно, — жестко отрезал Игнат. — Лес здесь большой. Заборы стоят только по периметру шоссе. Если он не дурак — а судя по тому, как он админил ваши сервера, не дурак — он выйдет к реке. А река выведет его к людям. К простым людям. К его родителям.

Полковник помолчал, взвешивая слова. — Знаете, девочка, чему учат в моем бывшем ведомстве? Самые прочные цепи — невидимые. Золотые браслеты от Картье держат крепче стальной решетки, потому что жертва сама боится их потерять. Вы надели на него цепь, которая весит тонну. Он просто решил проверить, умеет ли она плавать. Дайте ему воды нахлебаться. Когда он выползет на берег — грязный, голодный и покусанный комарами — он будет ценить вашу сухую постель и теплый суп гораздо сильнее. А если не выползет... Значит, актив был переоценен изначально. Советую заказать завтрак. Круассаны стынут. И попросите конди-

тера убрать фигурку жениха с верхнего яруса торта. Оставьте только невесту. Символично получится.

Настя смотрела на полковника широко раскрытыми глазами. В них боролись бешенство, уязвленное самолюбие и холодный расчет. Расчет победил. Она поджала губы. — Если через сутки он не вернется, подаем заявление о пропаже, — процедила она. — И пусть ищут. С собаками.

— Разумеется, — кивнул Игнат. — С лучшими ищейками. Но сначала закончим с фотографией. Улыбочку. Покажите стране счастливую жену. Страна должна верить в сказку, даже если принц сбежал рубить дрова.

Камера щелкнула. Вспышка на мгновение ослепила всех присутствующих. На карточке, которая завтра пойдет в печать, Настя сияла идеальной улыбкой победительницы. Но любой внимательный наблюдатель заметил бы, что ее левое веко едва заметно дергается в нервном тике. Страховка срабатывала безупречно, но человеческий материал давал непредвиденный сбой. Побег поднадзорного всегда портит статистику.

А Артём в это время выходил к излучине реки, где на берегу грелась на солнце гадюка. Он остановился, пропустил змею и пошел дальше, выбирая путь, где растёт папоротник — старая примета, обещавшая вывести к жилью. Ему было страшно, голодно и невыносимо свободно.

Глава 3. Магия смены настроения

Лесная тропа, едва заметная среди зарослей папоротника-орляка, вывела Артёма к старой гати. Бревна, уложенные в топь еще при царе Горохе, давно сгнили и покрылись скользким изумрудным мхом. Каждый шаг требовал концентрации: одно неверное движение — и болотная жижа с радостью приняла бы его итальянские свадебные туфли вместе с ногами.

Артём остановился перевести дух. Он снял футболку, выжал ее — пот лил с него градом, несмотря на утреннюю прохладу. Комары, дорвавшиеся до городского деликатеса, устроили над его головой плотоядный хоровод. Он хлопнул себя по шее, размазав очередного кровопийцу, и замер.

В кармане джинсов завибрировал телефон. Связи не было, лес блокировал вышки сотовых операторов наглухо, но экран вспыхнул так ярко, что осветил полумрак под еловыми лапами. На заблокированном дисплее горело уведомление от «Найти друзей» — функция семейного доступа, которую Настя установила на оба их смартфона месяц назад со словами: «Я должна знать, где находится мой актив».

Точка на карте мигала красным. Это был он, Артём. А рядом, прямо по курсу его предполагаемого движения, примерно в трех километрах через бурелом, двигалась вторая точка. Синяя. С подписью «Настя».

Она шла за ним. Причем не по дороге. Ее маршрут пролегал перпендикулярно всем существующим тропам, напрямик через чащу. Точка двигалась рывками. Три секунды стоит, пять секунд стремительно перемещается на сто метров вперед. Снова остановка. Снова бросок. Словно хищник, идущий по следу вспугнутой дичи.

— Какого черта? — прошептал Артём.

Он ожидал охраны. Ожидал квадроциклов егерей или того же Вити с рацией. Но чтобы сама невеста, сменившая Diог на походную экипировку, ломилась сквозь валежник спустя час после побега жениха? Это выходило за рамки любой, даже самой извращенной логики контроля.

Страх снова начал сковывать мышцы, но теперь это был другой страх. Не липкий ужас перед социальным унижением, а первобытный холодок загнанного зверя. Она не просто хотела вернуть вещь. Она охотилась.

Артём сунул телефон обратно в карман и прибавил ходу. Он перешел на легкий бег, стараясь ступать мягко, как учили когда-то на школьных уроках физкультуры (единственный предмет, который давался ему легко). Гать закончилась, началось сухое редколесье. Под ногами захрустели сухие ветки. Этот звук казался пушечным выстрелом в звенящей тишине леса.

Он выбежал на небольшую поляну, залитую солнцем. Посреди поляны лежало поваленное грозой дерево-великан. Идеальное укрытие. Артём упал на живот за шершавым

стволом, тяжело дыша. Сердце колотилось о ребра. Он достал телефон.

Синяя точка остановилась. Прямо за его спиной. Метрах в пятидесяти, у кромки поляны.

Время растянулось. Десять секунд. Двадцать. Минута. Ни звука, кроме стрекота кузнечиков и его собственного пульса в ушах.

А потом хрустнула ветка. Только одна. Сухой, короткий щелчок, прозвучавший как удар судейского молотка.

На поляну вышла она.

Это была не та Настя, которая полчаса назад пила латте в малой столовой. От фарфоровой куклы не осталось ничего. Волосы, еще недавно уложенные волосок к волоску, были спутаны, в них застряла мелкая паутина и крошечная сухая веточка. Дорогие кроссовки для трейлраннинга покрыты толстым слоем рыжей глины. Спортивная куртка из гортекса разорвана на плече — видимо, зацепилась за острый сук.

Но страшнее всего было лицо.

Оно пылало. Румянец покрывал высокие скулы лихорадочными пятнами. Губы, искусанные в кровь, стали почти фиолетовыми. И глаза. Именно они заставили Артёма вжаться в трухлявую кору бревна.

Ее зрачки расширились настолько, что почти поглотили радужку. Они больше не были ледяными озерами снисходительного презрения. Они были двумя прожекторами цвета расплавленного обсидиана, источающими физическое, ося-

заемое давление. Когда она смотрела на него, воздух между ними дрожал, как над раскаленным асфальтом.

— Я знала, — выдохнула она. Голос был низким, грудным, с легкой металлической вибрацией, от которой волосы на затылке Артёма встали дыбом. — Знала, что ты побежишь к своим. К запаху сала и нестиранных носков. Инстинкты примата всегда берут верх, да, милый?

Слово «милый» в ее устах прозвучало как диагноз проказы.

Артём медленно поднялся, отряхивая колени. Играть в прятки смысла не было. Его обнаружили. — Насть, успокойся, — сказал он максимально ровным тоном, поднимая руки открытыми ладонями вперед. Классический жест примирения. — Ты заблудишься. Здесь болота. Давай вернемся, вызовем такси...

Она сделала шаг вперед. Земля под ее ногой, казалось, просела. — Вернемся? — переспросила она. — Чтобы я сидела там, пока твой отец рассказывает анекдоты про Чапаева, а моя мать делает вид, что ей интересен курс доллара? Ты украл мое утро. Украл мою свадьбу. Мой SMM-менеджер уже обрывает телефоны, потому что мы не вышли на утренний брифинг с прессой. У нас фотосессия «Первая брачная ночь: искренность», а муж сбежал рубить дрова!

Каждое предложение повышало градус. Тембр голоса полз вверх. Из грудного регистра он переходил в высокий, вибрирующий альт.

— Ты хоть понимаешь степень моего бешенства?! — выкрикнула она.

И в этот момент произошло то, чего мозг системного администратора, привыкший оперировать категориями бинарной логики, обработать не смог.

Глаза Насти буквально вспыхнули изнутри. Не метафорически. Буквально. Радужка заполнилась ярким, пульсирующим оранжевым светом, словно кто-то включил две автомобильные фары дальнего света внутри ее черепа. Свет пробился сквозь веки, сквозь ресницы, отбрасывая на бледные стволы берез вокруг пляшущие оранжевые тени. Воздух вокруг нее пошел маревом, искажая перспективу, как горячий воздух над пустыней.

Артём моргнул. Галлюцинация? Тепловой удар? Он потер глаза кулаком. Открыл. Свечение исчезло, оставив после себя лишь два черных провала, пахнущих озоном.

— Что это было? — вырвалось у него прежде, чем он успел прикусить язык.

Настя замерла. Наклон головы изменился. Если секунду назад она напоминала готовую к броску кобру, то теперь стала похожа на ученого, столкнувшегося с интересным лабораторным образцом. — Ты... увидел? — тихо спросила она. Оранжевые искры все еще плясали в глубине ее зрачков, но уже не били мощным лучом, а лишь тускло тлели. — Обычно люди списывают это на освещение. Или думают, что им показалось.

— Показалось? — Артём нервно хохотнул. Звук получился истеричным. — Насть, твои глаза только что работали в режиме сварочной маски. Ты сейчас спалишь тут весь заповедник. Лесничество штраф выпишет.

Она проигнорировала попытку шутки. Сделала еще один шаг, сокращая дистанцию. Теперь их разделяло не более пяти метров. — Это называется Эмпатическая нестабильность четвертого уровня, — произнесла она тем же менторским тоном, каким вчера объясняла разницу между вилкой для рыбы и вилкой для мяса. — Редчайшая генетическая мутация. Моя семья... скажем так, мы не совсем обычные инженеры. Мы катализаторы. Эмоциональные призмы. Я чувствую фон окружающих людей и умножаю его. Если меня любят — я становлюсь источником абсолютного обожания. Если мной восхищаются — я затмеваю солнце. А если мне пытаются указывать, как дышать...

Она сжала кулаки. Костяшки пальцев побелели. — ...то я превращаюсь в термоядерный синтез ярости.

Земля у ее ног внезапно пошла трещинами. Тонкими, похожими на молниевые разряды. Артём отчетливо почувствовал запах озона — тот самый, что бывает после удара молнии в сухую сосну. Статическое электричество подняло мелкие сухие листья и травинки в воздух, закручивая их в маленький серый смерч вокруг силуэта жены.

— Ты сделал хуже, — прошипела она. — Намного хуже. Сначала ты опозорил меня фактом своего существования.

Потом ты испортил брюки. Затем ты отказался признавать свой храп. А теперь, венец творения, ты решил со мной *примиряться*.

Артём инстинктивно отступил на полшага назад, упершись поясницей в ствол гнилого дерева. Позади него что-то предательски хрупнуло. — Я просто хотел избежать конфликта, — пролепетал он. — Найти компромисс. Сказать что-то приятное, чтобы деэскалировать ситуацию...

Настя рассмеялась. Смех был сухим, трескучим, похожим на звук ломающихся веток в костре. — Деэскалировать? — она качнулась с пятки на носок. — Ты назвал меня «милой». Дважды. Сначала утром, когда я делала тебе замечание о твоих ногтях-обрубках. А только что, когда мои глаза светились, как посадочные огни во Внуково, ты предложил мне «успокоиться».

Воздух стал густым. Трудно дышать. Атмосферное давление в этой маленькой точке леса резко подскочило, вдавливая барабанные перепонки. — Милой?! — взвизгнула она, и этот звук физически ударил Артёма в грудь, заставив пошатнуться. — Я — ЯРОСТНАЯ!

Крик совпал с порывом ветра. Невидимая волна силы сорвала с ближайшего дуба целую охапку пожелтевшей листвы и швырнула ее в Артёма. Листья ударили по лицу, засыпались за шиворот, царапая кожу. Одна тяжелая дубовая ветвь толщиной с запястье переломилась пополам в метре над его головой и рухала вниз, воткнувшись острым концом в землю

ровно там, где он стоял секунду назад.

— Ты сводишь всё к уровню своей панельной девятиэтажки! — наступала Настя. Она больше не шла — она летела над землей, едва касаясь травы подошвами кроссовок. — Для тебя любая женщина с претензиями — это «злая жена», которую надо задобрить цветком и словом «милая». Ты пытаешься применить ко мне паттерны управления твоей мамой! «Наташа, не кричи, дай пульт от телевизора»! Со мной это не работает!

Она выбросила руку вперед. Это не было ударом. Просто резкий жест указующим перстом. Но воздушная стена, последовавшая за этим движением, была материальной. Она подхватила Артёма, как тряпичную куклу, оторвала от земли и впечатала спиной в старый дуб метрах в десяти позади.

Хруст. Спасибо деревянному богатырю — ствол оказался достаточно широким, приняв основной удар на себя. Артём сполз по коре вниз, хватая ртом воздух. Легкие отказались работать. Диафрагма спазмировалась от удара. Перед глазами поплыли черные круги.

— Ты обращаешься со мной, как с капризной содержанкой! — голос Насти доносился теперь откуда-то сверху, гулкий и всепроникающий. — А я — стихия! Я — хаос, заключенный в идеальное тело ради приличий этого прогнившего социума!

Артём попытался встать. Ноги дрожали. Во рту ощущался привкус крови — он прикусил щеку при падении. Он поднял

голову.

Настя стояла посреди поляны. Вокруг нее бушевал настоящий микроураган. Трава пригнулась к земле. Мелкие птицы с отчаянным писком покидали гнезда в кронах деревьев. Солнце скрылось за внезапно набежавшими свинцовыми тучами, которых пять минут назад не было на горизонте. Начали падать первые тяжелые капли дождя. Каждая капля шипела, попадая на раскаленную ауру женщины.

«Так, сервер падает, — пронеслась в голове отстраненная мысль профессионала. — Критическая ошибка ядра. Система охлаждения не справляется. Сейчас будет выгорание процессора».

Нужно было менять алгоритм. Логика уступов, компромиссов и прав человека здесь не работала. Программа «Хороший мальчик Артём» вызвала критическую ошибку сегментации и была принудительно завершена операционной системой «Демоническая невеста». Требовался root-доступ. Жесткая перезагрузка.

Он стер кровь с подбородка рукавом. Встал. Выпрямился. И посмотрел на нее не снизу вверх, как кролик на удава, а прямо, оценивающе, как смотрит инженер на вышедший из-под контроля турбогенератор.

— Хорошо, — сказал он громко, перекрывая шум ветра. — Допустим. Ты — яростная. Прекрасный термин. Очень точный. Уровень децибел зашкаливает, атмосферное давление скачет, ландшафт портится. Вопрос решен. Ты яростная.

Настя замерла на полуслове. Буря вокруг нее слегка притихла, удивленная отсутствием ожидаемой реакции жертвы. — Что ты сказал? — подозрительно повторила она.

— Я признал твою классификацию, — Артём осторожно сделал шаг в сторону, обходя воронку смерча по широкой дуге. — Проблема не в том, что ты яростная, Анастасия. Проблема в том, что твоя ярость — идиотская.

Ветер снова взвыл, но теперь в нем слышалась нотка личного оскорбления. — Я СОЖГУ ТУТ ВСЁ! — проревела она, и деревья по краям поляны начали дымиться. Кора пошла пузырями.

— Да подожди ты жечь, бога ради! — поморщился Артём, закрывая лицо локтем от жара. — Посмотри на себя. Ты наследница огромного состояния. У тебя IQ выше, чем температура на поверхности Венеры. Ты можешь взглядом плавить титан. И что ты делаешь? Устраиваешь школьную истерику в лесу из-за того, что я ушел от невкусных круассанов? Это мелко, Настя. По-настоящему яростные люди захватывают страны, меняют русла рек или хотя бы пишут гениальный код. А ты тратишь мегатонны энергии на то, чтобы доказать мужу, что ты не «милая». Это уровень базарной торговли с магическими способностями. Обидно за потенциал вида.

Дождь усилился, превращаясь в ливень. Вода парила, соприкасаясь с кожей Насти. Ее трясло. Не от холода — от переизбытка адреналина и непонимания. Скрипт сломался.

Жертва не умоляла. Жертва проводила аудит эффективности.

— Ты... ты несешь чушь, — неуверенно сказала она. Ветер вокруг нее дернулся, потерял вектор направления. — Ты пытаешься манипулировать...

— Нет, — отрезал Артём. Он подошел к поваленному дереву, сел на него, широко расставив ноги, и достал из кармана смятую пачку сигарет, которую забыл выложить еще со вчерашнего мальчишника. Руки немного дрожали, но голос звучал абсолютно спокойно. — Я делаю комплимент. Ты хочешь быть Яростной? Будь ею. Только масштабируй правильно.

Он чиркнул зажигалкой. Огонь вспыхнул ровным синим пламенем, игнорируя потоки воды с неба. Прикурил, глубоко затянулся. Выпустил дым, который смешался с водяным паром. — Вот смотри, — продолжил он, стряхивая пепел прямо на мокрый мох. — Твой гнев имеет колоссальную мощь. Взрыв сверхновой. Но направлен он на фитюльку. На меня. Потому что я дышу не в такт. Представь, куда можно приложить такой выхлоп. Тебе скучно на приемах? Отлично. Используй эту энергию, чтобы испепелять конкурентов отца одним взглядом. Тебе не нравится налоговое законодательство? Сожги здание Министерства финансов. Зачем тратить ядерный реактор на кипячение чайника? Это энергетически невыгодно. Любой айтишник скажет тебе, что это плохая архитектура системы.

Ливень вымочил Артёма до нитки. Футболка облепила торс, вода стекала по лицу. Но он чувствовал странное, пьянящее облегчение. Страх испарился, высушенный жаром ее безумия. Остался только чистый азарт дебага сложной программы.

Настя слушала, наклонив голову. Смерч вокруг нее окончательно распался. Листья плавно опускались на землю. Озоновый запах сменился запахом мокрой пыли и грибов. Черные провалы ее глаз постепенно сужались, возвращая нормальные белки. — То есть... ты говоришь, что я права в своем гневе? — осторожно уточнила она. — Но неправда в выборе цели?

— Абсолютно, — кивнул Артём, затягиваясь. Табачный дым приятно обжигал саднящее горло. — Ты великолепна в своей ярости. Эстетика разрушения на высоте. Дуб чуть инфаркт не словил. Но цель — говно. Я — мягкий, податливый субстрат. Со мной нельзя устроить хорошую битву. Я сдаюсь. Меня нужно долго пинать, чтобы я хоть как-то сопротивлялся. Где спорт? Где состязание? Ты lupишь гидравлическим прессом по комку ваты. Прессу обидно, вате больно, толку ноль.

Он встал, бросил окурок в лужу и тщательно придавил его каблуком. — Хочешь настоящей ярости? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Поймай меня сначала. Я ведь убегаю. Я не хочу возвращаться в золотую клетку. Я хочу жить. Я прячусь. Я использую рельеф местности. Разве истинной

Богине Ярости не интересно преследовать добычу, которая умеет петлять?

Капли дождя текли по ее лицу, смывая грязь. Она выглядела совершенно растерянной. Впервые за время их знакомства маска идеальной женщины дала сбой, обнажив под собой нечто дикое, подростковое и невероятно одинокое. — Ты предлагаешь мне играть в салочки? — недоверчиво спросила она.

— Я предлагаю тебе перестать быть функцией «Контролирующая Стерва» и стать тем, кем ты орешь, — усмехнулся Артём. — Стань погодой. Лови меня. Если сможешь.

Он развернулся и нырнул в густой кустарник орешника, уходя с открытого пространства поляны.

Прошла секунда. Две. Капли дождя монотонно барабанили по листьям.

А затем раздался рев. Но это был не крик обиженной женщины. Это был вопль высвобожденной стихии.

— Не смей от меня убегать, деревенщина! — громыхнуло так, что с ближайших елей сошли лавины накопившегося снега (хотя был август).

Земля содрогнулась.

Артём бежал, продираясь сквозь мокрые кусты. Сердце теперь билось не от страха, а от сумасшедшего, иррационального восторга. Он понятия не имел, сработает ли эта психотерапия для мутантов. Возможно, через десять минут его найдут по кусочкам на разных деревьях.

Но сзади нарастал звук. Это был не хруст веток под ногами. Это был шелест разрезаемого воздуха. Настя не бежала по земле. Она использовала свою ярость как реактивную тягу.

Он рискнул обернуться на бегу.

Она летела за ним. Буквально. В двух метрах над землей, вытянув руки вперед. Лицо было сосредоточенным, прекрасным и абсолютно безумным. Волосы развевались горизонтально, вопреки законам гравитации и направлению ветра. За ней тянулся инверсионный след из чистого статического электричества, поджигающего кончики сухой травы, мимо которой она пролетала.

Расстояние сокращалось. Пятнадцать метров. Десять.

— Левее! — вдруг крикнул Артём сам себе. — Там овраг!

Он резко взял влево, скатываясь по крутому склону лесного буерака. Корни деревьев мелькали перед глазами. Он прыгнул, перемахнул через ручей на дне, ухватился за выступ корня на той стороне и подтянулся.

Позади раздался оглушительный всплеск. Настя, не успев сменить траекторию, влетела в ручей. Раздался взрыв пара. Вода мгновенно закипела на десятиметровом участке русла, окутав овраг густым горячим туманом.

Из белого облака послышался кашель. Затем смех. Звонкий, залиvistый, абсолютно женский смех без всякого металлического лязга. — Ах ты хорек! — донеслось из тумана. — Ты специально выбрал овраг! Испортил мне замшу Louis

Vuitton!

— Зато какой заход на посадку! — крикнул в ответ Артём, переводя дух за толстым стволом старого граба. — Четыре балла из десяти! Балл снимаю за отсутствие кувырка!

Туман пришел в движение. Медленно, клубясь, он начал обретать форму. Настя выбиралась на берег. Мокрая насквозь, грязная, лишившаяся одного кроссовка, который остался где-то на дне кипящего ручья. Она посмотрела на свои босые ноги, потом на Артёма, спрятавшегося за деревом. И расхохоталась снова.

— Выходи, администратор, — позвала она уже обычным голосом, в котором остались лишь легкие басовитые нотки остаточного напряжения. — Комплементарный анализ окончен. Архитектура признана годной.

Артём вышел из укрытия. Он тоже был похож на водяного: мокрый, в грязи, с разбитой губой.

Они стояли друг напротив друга посреди выжженного, затопленного, разгромленного участка леса. Природа вокруг них выглядела так, будто здесь приземлилось небольшое НЛО.

— Ну и что это было? — спросил Артём, тяжело дыша. — Кроме того, что ты пыталась убить меня метеорологической катастрофой?

Настя подошла ближе. Вода стекала с ее носа. Она выглядела уязвимой и смертельно уставшей. Свечение в глазах погасло полностью, осталась лишь обычная человеческая уста-

лость. — Первый неконтролируемый выброс за семь лет, — призналась она глухо. — Обычно я держу это в узде. Медитация, литий, дыхательные практики пранаямы. Но стресс свадьбы плюс твое феноменальное умение нажимать на самые больные точки... Предохранители сгорели. Спасибо.

— Мне? — опешил Артём. — За то, что пытался выжить? — За то, что не наложил в штаны, — она слабо улыбнулась. — И за лекцию по энергоэффективности. Никто никогда не говорил мне, что моя сила выглядит глупо. Все либо боятся, либо лебезят. А ты сравнил меня с неисправным бойлером. Это... освежает.

Она протянула руку. Ладонь была горячей, почти обжигающей, но хватка оказалась мягкой. — Мир? — спросила она.

Артём посмотрел на ее руку. Вспомнил вчерашний вечер, критику ложки, жалобы на дыхание. Вспомнил сегодняшний приказ вернуться. А потом вспомнил полет над оврагом и кипящий ручей.

Эта женщина была клинически безумна. Опасна, как открытый распределительный щит под напряжением в миллион вольт. Жизнь с ней гарантированно сведет его в могилу раньше срока — либо от сердечного приступа, либо от прямого попадания шаровой молнии в процессе ссоры из-за плохо сложенных полотенец.

Но впервые за эти сутки он смотрел на нее не как на тюремщицу. Она была стихийным бедствием. Терминатором с маникюром. И бежать от терминатора оказалось гораздо ин-

тереснее, чем стоять перед ним навытяжку.

— Мир, — сказал он, пожимая ее руку. — Пока что. До следующего раза, когда я неправильно поставлю чашку в посудомойку. Тогда, боюсь, придется эвакуировать область.

Она фыркнула и неожиданно, совершенно по-бабьи, прижалась лбом к его плечу. Мокрые волосы мазнули его по щеке. — У меня кружится голова, — тихо сообщила она. — Резкое падение кортизола. Адреналиновый откат. Кажется, я сейчас упаду.

Артём неуклюже обнял ее одной рукой за плечи, чувствуя, как сильно она дрожит. Другой рукой он подобрал с земли ее порванную куртку и накинул ей на спину. — Всё хорошо, — сказал он, сам не веря своим словам. — Главное, что мы выяснили. Ты — яростная. Я запомню. Больше никакой «миллой». Может быть... «генерал-майор Апокалипсиса»? Или «Ваше Темнейшество»? Нужно подобрать правильный протокол обращения, чтобы предохранители опять не перегорели.

Она толкнула его в грудь слабым кулачком. — Заткнись, Деревенщина. И неси меня. Мои ноги отказали. И купол Луи Виттон намок, я не могу телепортироваться.

Артём закатил глаза, но послушно присел, подставляя спину. — Запрыгивай, Ваше Темнейшество. Только постарайся не сжигать мне позвоночник своими эмоциями. Обратно пойдем пешком. Через деревню. Хочу посмотреть в глаза отцу и сказать, что его дочь — сертифицированная

угроза национальной безопасности.

Настя кое-как устроилась у него на закорках, обвив руками шею. Она была тяжелой, но злости в этом весе больше не было. Было что-то другое. Надежность? Прибитая дождем пыльца чуждости?

— Кстати, — прошептала она ему на ухо, пока он делал первый осторожный шаг вверх по склону оврага. — Ты действительно хранишь. Совсем чуть-чуть. Как работающий дизель-генератор. Но я подумываю встроить в твой висок биосенсор, чтобы отключать тебя удаленно, если частота превысит тридцать герц.

— Рад, что мы понимаем друг друга, — прохрипел Артём, начиная подъем. — Куда идем? К моим родителям за салом или к твоим за новой обувью?

— К цивилизации, — вздохнула она, пряча лицо у него между лопаток. — Закажем нормальный завтрак. Омлет паризьен. И ты будешь держать ложку правильно. Иначе я сожгу эту забегаловку дотла. Вместе с официантом.

Ливень продолжал хлестать по лесу, смывая следы их схватки. Под промокшими листьями просыпались настоящие грибы, которые никто не собирался собирать. Начиналась новая глава их совместной жизни, написанная на языке ультиматумов, магии и взаимных угроз физического уничтожения. И Артём поймал себя на мысли, что это самое живое, что случилось с ним за последние десять лет офисного рабства.

Глава 4. Кризис первого месяца: «Ты меня не слушаешь!»

Месяц брака — это срок, за который тараканы в голове партнера перестают прятаться при включенном свете и начинают выходить на кухню поздороваться. Для Артёма этот месяц стал курсом молодого бойца в условиях повышенной радиации.

Они вернулись из леса под ледяным дождем. Настя, лишившаяся кроссовка и чувства собственного величия, поволила донести себя до гостевого домика только после того, как Артём торжественно поклялся никогда больше не называть ее «милой» и признал превосходство Эмпатической Нестабильности над законами термодинамики. Охрана Игната Матвеевича нашла их через час: она сидела у него на закорках посреди бурелома, а он пытался развести костер двумя мокрыми палочками, матерясь сквозь зубы так виртуозно, что птицы падали замертво с веток.

Свадьбу спасли деньги тестя и связи полковника ФСО. Фотосессию перенесли на неделю, пресс-релиз написали о «романтическом побеге молодоженов для единения с природой», а испорченный ландшафт списали на удар молнии.

Началась рутина. И эта рутина оказалась страшнее магических выбросов ярости.

Жизнь в усадьбе напоминала работу авиадиспетчера во время метеоритного дождя. Каждое утро начиналось с брифинга. Цвет галстука (не должен конфликтовать с оттенком ее тени для век), плотность пены в его капучино (ровно два сантиметра, измеряется линейкой), угол наклона подушки на софе в библиотеке (сорок пять градусов относительно окна). Артём освоил сорок семь способов складывать салфетки, выучил генеалогическое древо всех европейских монархов, чтобы поддерживать беседу за ужином, и научился дышать диафрагмой абсолютно бесшумно. Он похудел на восемь килограммов от постоянного напряжения и отсутствия нормальной еды.

Он думал, что худшее позади. Что лесная терапия сработала. Настя действительно стала реже вспыхивать оранжевым светом, хотя иногда, когда он забывал закрыть тубик зубной пасты, воздух в ванной опасно искрил. Но вчерашняя ночь показала: проблема была не в магии. Проблема была в протоколах передачи данных.

Всё началось в гардеробной. Это было огромное помещение размером с баскетбольную площадку, где одежда жила своей жизнью на моторизированных вешалках. Шелест ткани здесь заменял шум прибоя.

Артём сидел на бархатном пуфике в углу, выполняя свою главную функцию современного мужа — присутствовать. В руках он держал планшет, делая вид, что изучает графики

нагрузки на серверы компании жены. На самом деле он просто смотрел в одну точку, пытаясь сохранить остатки рассудка. За последние три часа он узнал всё о новой коллекции Balenciaga, о том, что стразы Swarovski в этом сезоне — моветон, если они граненые, и что портниха Глафира имеет слишком потные руки.

Настя крутилась перед трехметровым зеркалом. На ней было платье. Черное, асимметричное, похожее на сброшенную кожу инопланетной рептилии. Она поворачивалась то левым боком, то правым, втягивая живот. — Как ты думаешь? — спросила она, глядя на свое отражение. — Оно подчеркивает мою трапециевидную мышцу или делает плечи слишком мужскими?

Это был вопрос-ловушка. Артём знал это. Любой ответ вел к катастрофе. Если скажет «подчеркивает» — значит, ему нравятся мужские плечи. Если скажет «делает мужскими» — значит, назвал жену качком. — Ты выглядишь... концептуально, — выбрал он максимально нейтральное слово, выработанное месяцем выживания.

— Концептуально я выгляжу в морге, Артем, — отрезала она, но без особой злобы. Она продолжала диалог сама с собой. — Хотя ткань хороша. Итальянский шелк с вплетением углеволокна. Не мнется. Можно сесть в нем на пол и медитировать, а потом пойти на совет директоров, и стрелок не будет. Это гениально. Знаешь, сколько стоит метр такой ткани? Долларов восемьсот. А мне нужно четыре метра. Плюс

работа Глафиры. У нее золотые руки, несмотря на гипергидроз. Она вчера делала вытачку на лифте...

И она начала говорить.

Сначала это был монолог о свойствах углеволокна. Затем нить повествования перекинулась на Глафиру, от Глафиры — к ее племяннику, который учится на программиста и пишет вирусы-шифровальщики («такой талантливый мальчик, весь в тебя»), от племянника — к экологии Милана, где шьют лучшие ткани, от Милана — к тому, как ужасно летать эконом-классом Turkish Airlines, потому что пледы там пахнут лавандой, которую она ненавидит с детства после случая в пионерлагере...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.